СТОЙКО ДЕРЖАТЬСЯ ЗА КАЖДЫЙ РУБЕЖ, ПОЛНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОТИВ ВРАГА ВСЮ МОЩЬ НАШЕЙ ПЕРВОКЛАССНОЙ ТЕХНИКИ

БОИ В РАЙОНЕ КЛЕТСКОЙ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 13 августа. (Спец. воен. корр. «Правды»). В опаленных зноем донских степях не умолкают гул орудий, лязг танков, треск пулеметов. Идут упорные бои. Враг прилагает все усилия к тому, чтобы сломить нашу оборону. Но атаки врага наталкиваются на железную стойкость советских воинов. Беспримерной храбростью отмечены боевые дела верных сынов отчизны.

...Шел жаркий бой. Пулеметчику тов. Деркачу было приказано—огнем пулемета поддержать подразделение. Деркач блестяще выполнил приказ. Метким огнем он косил ряды фашистов. Враг открыл бешеный огонь по советскому пулеметчику. Осколками мины Деркача ранило в обе ноги, и он упал. Немцы бросились и замолчавшему пулемету. Напрягая все силы, отважный патриот приподнялся и бросил в гущу фашистов две гранаты. Раздались оглушительные взрывы, немцы бросились врассыпную. Когда санитар подобрался к раненому Деркачу, чтобы вынести его с поля боя, то насчитал вокруг пулеметчика 45 трупов фашистских солдат и офицеров.

Рота наших автоматчиков штурмовала захваченную противником высоту. Немцы отчаянно сопротивлялись. Командир роты младший лейтенант Смирнов шел в первых рядах. Он лично истребил более 30 гитлеровцев. Ворвавшись в фашистский ДЗОТ, Смирнов быстро повернул оставленный немцами пулемет и открыл огонь по немцам. Трофейный пулемет бесперебойно работал в руках опытного советского командира.

Ожесточенные бои идут в районе северо-восточнее Котельниково. Немцы бросают на поле боя все новые и новые части. Мотопехота при поддержке танков и авиации пытается во что бы то ни стало прорвать нашу оборону. Бойцы, командиры и политработники отстаивают каждую пядь земли, отбивая десятки вражеских атак.

Наше подразделение под командованием т. Макарчука отражало атаку батальона вражеской пехоты. Силы были неравные. Но бойцы, руководимые смелым и волевым командиром, бросились в контратаку, разгромили вражеский батальон, вынудив его к отступлению. Немцы потеряли в этом бою более 100 солдат и офицеров, бросили на поле боя два орудия, 15 ящиков со снарядами, две автомашины и до 40 велосипедов.

Большой урон врагу наносит наша авиация. За один день боев в районе Клетской советские летчики сбили 7 немецких истребителей и, кроме того, уничтожили на вражеских аэродромах 13 самолетов.

Г. ГРИГОРЕНКО.

ОГОНЬ АРТИЛЛЕРИСТОВ БАЛТИКИ

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ, 13 августа. (Спец. воен. корр. «Правды»). «...Это — ураган огня. Стоит такой гул, что мы не слышим собственных слов. Мы лежим в блиндаже, боясь поднять голову. Я чувствую, что смерть пришла...»,—так писал немецкий ефрейтор Эмиль Майер. Письмо осталось незаконченным: артиллеристы Балтики смели с лица земли этого гитлеровского бандита и всех, кто находился на одной с ним позиции.

На одном из участков Ленинградского фронта немцы пытались вернуть важные рубежи, захваченные нашими войсками. На врага обрушили огонь железнодорожные батареи балтийцев. Меткими залпами они подавили десять батарей противника. Попытки врага контратаковать наши позиции отбиты. Артиллеристы нанесли противнику огромный урон. По свидетельству пленного, его батальон потерял 30—40 процентов убитыми.

На днях разведка заметила обоз противника. Капитан Попков открыл огонь. Два крупных взрыва свидетельствовали об успехе стрельбы. Другая батарея вступила в единоборство с двумя батареями врага и подавила их.

Несколько дней назад артиллеристы сокрушительным огнем по врагу оказали большую помощь наземным войскам. Подавлен огонь десяти вражеских батарей, уничтожено большое количество техники и живой силы противника.

В районе С. по переднему краю нашей обороны открыла огонь батарея противника. Первые же залпы подразделений капитана Вовк и старшего лейтенанта Бобец заставили батарею врага прекратить огонь. На другом участке метким огнем моряков-артиллеристов подавлены три вражеских батареи.

Артиллеристы Балтики стали грозой для врага, окопавшегося под Ленинградом. Огневые налеты балтийцев наносят сокрушительные удары противнику.

Наряду с умелым использованием своей техники они овладевают и искусством меткой стрельбы из стрелкового оружия. Снайперы этого подразделения за непродолжительный срок уничтожили более 1.100 фашистских солдат и офицеров. На боевом счету снайпера-краснофлотца Поскала—176 немцев, Глебова—156, Антонова—125, Федорова—76, Богданова—62, Шаронова — 26...

Счет истребленных гитлеровцев растет с каждым днем. Например, 8 августа артиллеристы уничтожили стрелковым оружием 26 фашистов, 9 августа — 5, 10 августа — еще 14. Снайперы Богданов и Поскал за один день истребили по 8 гитлеровцев. Краснофлотец Антонов вывел из строя вражеский станковый пулемет, обстреливавший передний край нашей обороны.

Н. ВОРОНОВ.

ТАНКИ «ДЗЕРЖИНЕЦ» В БОЯХ ЗА РОДИНУ

В конце июня состоялась передача фронтовикам танковой колонны, построенной на средства, собранные трудящимися Дзержинского района Москвы. На митинге в честь передачи танков представители районных организаций дали танкистам боевой наказ—до последней капли крови защищать родину, уничтожать озверелого врага.

Танкисты с честью выполняют этот наказ. На днях в Дзержинский районный комитет ВКП(б) пришло письмо от личного состава танкового подразделения «Дзержинец». Командир подразделения Герой Советского Союза тов. Серебряков и комиссар тов. Бирштейн пишут:

«Дорогие товарищи! С 11 июля наше подразделение участвует в боях против немецко-фашистских оккупантов. За два дня боев «Дзержинцы» уничтожили 17 противотанковых орудий, 4 пушки, 8 минометов, 27 пулеметов, 6 ДЗОТ'ов, 3 автомашины, склад горючего и смазочных материалов и 440 гитлеровцев. Личный состав в боях с фашистами проявляет свойственные советскому народу смелость, мужество и инициативу. Особенно отличились в боях и являются примером для всей части экипажи лейтенантов Харламова и Улитина. Хорошо разведав противника, они смело ворвались в его расположение и уничтожили большое количество гитлеровцев и их огневые средства».

На предприятиях и в учреждениях района с радостью узнали о первых боевых делах храбрых танкистов. Сообщая им об этом в ответных письмах, рабочие и служащие выражают уверенность, что танкисты, умело используя мощь своих бронированных крепостей, будут наносить еще более грозные удары фашистским захватчикам.

Так живут советские женщины и дети села Н., бежавшие от гитлеровских бандитов в лес... (См. корреспонденцию «Призыв к мести»).

Призыв к мести

Из последней почты

Лесная чаща. На полянке, окруженной *столетними деревьями, стоят шалаши, сложенные* из ветвей. Сбились в кучу женщины и дети. Бледные, исхудалые лица. Женщина, повязанная ситцевым платком, склонилась над тазиком, в котором варится зеленый болотный мох... Голодные ребятишки жмутся друг к другу в ожидании, когда им дадут есть.

Это — снимок. Документ. Он показывает, как живут советские люди в одном из районов, захваченных немцами. На снимке изображены жители села Н., Ленинградской области. Немцы спалили это село, расстреляли многих стариков, женщин, детей. Люди, которых мы видим на снимке, спаслись от огня и пуль немецких бандитов только благодаря тому, что укрылись в лесной чаще. Здесь они живут без крова и пищи, затравленные немецкими извергами.

Снимок, показывающий лагерь беженцев в лесу, опубликован в красноармейской газете «За родину». Он сделан корреспондентом газеты, находящимся в тылу у немцев. Газета в очерке «Лагерь голодных» пишет:

«Мы шли в этот день лесными просеками вместе с партизаном Александром Григорьевичем Н. Накрапывал мелкий, назойливый дождь. Сквозь кустарник виднелось огромное болото. На нем мы заметили одинокую фигуру. Человек, низко пригнувшись, что-то собирал.

Это был дряхлый старик. Своими длинными, сухими, как жердь, руками он рвал зеленый болотный мох. В стороне лежало сплетенное из коры лукошко.

— Что вы тут делаете? — спросил Александр Григорьевич.

— Это хлеб мой, — ответил старик, указывая на лукошко. — Я его должен принести своей старухе... Она уже два дня ничего не ела...

Мы идем по этому страшному лагерю голодных и видим горе и страдания русских людей, оказавшихся в оккупированных немцами районах.

Что ты сделал, проклятый чужеземец в зеленом мундире, с нашими матерями, женами, сестрами и детьми!

В одном из шалашей на сене лежит больная женщина. Она бредит, что-то просит... Возле нее на коленях двое ребят. Они горько плачут и, захлебываясь слезами, просят:

— Мамка, не умирай! Мама!

Увидев нас, дети вскакивают на ноги.

— Дядя, дай хлебца... Мамка наша умирает. Есть хочет...».

Тут же напечатаны письма обитателей этого лагеря, адресованные их родным, находящимся в рядах Красной Армии. Матери, жены и дети советских воинов рассказывают своим сыновьям, мужьям и отцам о том, что привело их в этот лес, что сделали немцы с их селом, как расправились с их родными и близкими.

«Спасите нас от зверя-немца!» — так озаглавлена газетная страница, где напечатаны эти письма. Каждой своей строкой они молят о помощи, зовут наших воинов к лютой мести фашистским варварам.

Вот письмо Матрены Анисимовны Анисимовой. Оно адресовано ее сыновьям — красноармейцам Ивану Яковлевичу и Илье Яковлевичу.

«Мы не успели уехать, когда немцы ворвались в нашу деревню, — пишет мать своим сыновьям. — Они собрали нас на улице, у правления колхоза, и сказали, чтобы мы стояли не шевелясь, а сами стали бегать по домам, забирали в мешки кур, ловили поросят, лазили в печки, забирали хлеб... Зимой немцев у нас не было. Но в июне грабители снова заявились... Скоро мы услышали стрельбу и крики... Немцы расстреливали наших стариков. Среди них стоял и ваш отец. Я стала плакать, упрашивать немецкого офицера не убивать.. Но он ударил меня сапогом в живот и выстрелил. Отец сразу повалился и залился кровью... Как слепая, побрела к дому. А дом уже горел, как костер.

Отомстите же, сыны мои, за старика-отца! Стреляйте проклятых немцев, смертным боем бейте палачей!».

Красноармейцу Павлу Васильеву пишет сын Тимоша. Он рассказывает отцу, как немцы спалили деревню, как били мамку, бабушку и его самого, как он живет теперь в лесу.

«Мы построили шалаш, но он протекает. Мамка лежит больная на сене. Подушки у нас сгорели. А я с Толей хожу на болото собирать мох. Из него бабушка печет нам хлеб. Живот у меня от него болит. Папа, помоги нам! Немцы злые, как волки...».

Красноармейцу Ивану Васильевичу Рожкову пишет его жена Анна:

«Не знаю, как мне жить дальше. Наступает осень, у нас нет ни хлеба, ни одежды. Мы все надеемся только на Красную Армию, которая освободит нас и отомстит за кровь нашу и слезы. Жизни при немце нам не видать».

Эти горькие строки, дошедшие до наших бойцов из лесного лагеря русских людей, ограбленных и обездоленных немцами, звучат страстным призывом к мести, беспощадной мести врагу. Красноармеец, прочитавший эти письма перед боем, крепче сожмет в руке винтовку и будет еще яростней бить поганую немчуру. Он знает: на него с надеждой смотрят миллионы советских людей, изнывающих под пятой оккупантов.

Газета «За родину», опубликовав эти письма, показала образец страстной и действенной агитации, разжигающей в сердцах наших воинов неугасимое пламя священной ненависти к взбесившимся немецко-фашистским оккупантам.

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ НА ДОНУ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Августовская ночь, темная и безветренная, надвиталась неотвратимо. Широкий в этих местах Дон, отмеченный густозелеными зарослями ивняка и куги, как-то сразу потускнел и растворился в темноте. Ветерок в последний раз донес из степи трепетный шелест набухающих пшеничных колосьев да терпкий запах полыни. От реки повеяло сыростью. Вскоре сумерки сгустились до такой непроницаемой синевы, что огромные махины танков, стоявших в мелколесье, можно было найти, разве лишь наткнувшись на них.

В эту августовскую ночь им предстояло танкистам итти в глубокий рейд, не зажигая огня, ничем не выдавая своего присутствия вблизи немецких окопов и блиндажей. Они тщательно проверяли механизмы и вооружение — ни один винтик не должен подвести в бою.

К 23.00 экипажи заняли свои места. Радисты поймали московскую волну, и за тяжелой броней мелодично и привычновенно загремел «Интернационал». И хотя каждый в эту минуту думал о своем: о матери, жене, а может быть, и пятилетнем сынишке, оставленных в родных гнездах, о больших городах Урала и Сибири, озаренных сиянием ночных огней, или о событиях минувшего дня,—но все помнили приказ родины:

— Здесь, в донских степях, помочь Югу! Бить немца!

Старший лейтенант Георгий Крыжановский, коренастый, энергичный украинец, пожелал успеха экипажам и двинул навстречу врагу свою сухопутную армаду. Триплексом никто не пользовался. Даже высунувшись в открытую башни, танкисты с трудом находили дорогу, и все же сульба благоприятствовала им. Где-то далеко, далеко, у горизонта, из-за туч выскользнула луна, и в ее холодном свете замелькали овраги, холмы, тучные хлеба. Ориентируясь по телеграфным столбам, танки вымахнули на возвышенность и, круто развернувшись, ринулись к большому селу, занятому немцами.

Вот уже четыреста метров отделяют мчащуюся лавину танков от немецких позиций. Артиллеристы готовятся к стрельбе, тупоносые стволы пушек и тонкие жала пулеметов вытянулись в поисках врага.

— Огонь! — командует Крыжановский, и огненный вал, грозный в своей ярости и ненависти, катится вперед. Издали кажется, будто красные пунктиры трассирующих пуль, растянутые белыми молниями светящихся снарядов, сливаются в какую-то причудливую огненную сетку, упавшую на село. В ней бьется пойманный враг, бьется с отчаянной, безысходной надеждой разорвать сеть. Поздно!

Бой длится 20—30 минут. Застигнутые врасплох, ошеломленные внезапностью танкового удара, немцы бегут по крутогорью к домикам на холме, их накрывают шрапнелью. Белые пятна фашистов выделяются всюду. Танки вереницей входят в село. Вслед за ними по улицам растекается пехота.

— Операция закончена, но ведь ночь— самое удобное время гнать и гнать врага, — думал Крыжановский и вытер на лбу пот. Выяснив, что все до одной машины целехоньки, отдал приказание двигаться вперед.

И операция продолжалась. Танки слева обошли горящее село. Впереди покачивалась машина высокого и смуглого лейтенанта Гриши Аршинева. Это был любимец батальона, отчаянный весельчак и шутник. И сейчас, когда все вокруг казалось абсолютно безжизненным и пустынным, он, высунувшись из башни, напевал свою любимую песенку «Спят курганы темные».

Вдруг Аршинев насторожился. Совсем рядом, видимо, затихшая при подходе танков, ударила легкая батарея противника. Несколько снарядов грохнуло в лобовую часть. Но не пробив ее, рикошетировали. Гриша сказал что-то водителю. Послушная малейшему движению рычага, машина заскрежетала на месте, круто развернулась и помчалась к мелькавшим вспышкам. До немцев 30—40 метров. Стальная громада, возникшая из ночи, давит обезумевшую от страха прислугу, сплющивает и ломает металл, немецкие пушки умирают.

Рядом курсировали танки Крыжановского, лейтенанта Аленкова, лейтенанта Игнатова, лейтенанта Тишкина и старшего лейтенанта Кузнецова. Они уже превратили в груду металла 12 противотанковых пушек, 9 тяжелых пулеметов, 3 минометных батареи, раздавили 8 ДЗОТ'ов и блиндажей, уничтожили огнем и гусеницами около трехсот немцев. Но это было только начало. По той ожесточенной канонаде, которая гремела вокруг высоток, занятых танкистами, по нараставшему грохоту и лязгу металла Крыжановский угадал, что немцы бросили в бой крупное танковое соединение.

— Врешь, не возьмешь, — сказали танкисты и заняли круговую оборону. Они понимали, что пропустить немцев к деревне — значит свести на-нет результаты ночного боя, отдать советскую землю на поругание лютому врагу. Ни шагу назад! Ни пяди земли! И танкисты стали насмерть.

На востоке едва обозначился рассвет, когда к командирской машине подбежал лейтенант Тишкин и, задыхаясь, сказал:

— У меня разбита машина, окружена немцами. Радист и водитель ранены. Вызовите огонь на мой танк!

Пулемет направлен вперед. Очередь, ливень трассирующих пуль. Танкисты видят, как золотистые искры брызжут в разные стороны — это отскакивают от брони пули. Стоны, крики, ругань.

Светало. Послушные воле Крыжановского, наши танки закончили сложный маневр, значительно улучшивший условия обороны. Это было сделано во-время. Из рощицы, покрытой седым туманом, выползли немецкие танки. Их было много. Сначала наблюдатели насчитали 30, а потом еще столько же. Нахальные и дерзкие, они шли без единого выстрела, рассчитывая, повидимому, на психологический эффект.

Танковое сражение, тяжелое и грозное, закипело сразу на всех высотках. Стойкость — железная, несгибаемая, до последнего выстрела из раскаленной пушки, до последнего удара благородного сердца — вот слово, обозначившее этот бой. Раненые обливались кровью, но не покидали своих машин. Подбитые и развороченные танки темнели неподвижными грудами, но продолжали вести огонь.

На самом высоком и голом холме, видимом далеко окрест, дрался экипаж Аршинева. Четыре танкиста, четыре героя, покрыли себя неувядаемой славой. Читатель, запомни их имена: командир танка лейтенант Григорий Аршинев, механик-водитель старший сержант Иван Крутолянов, артиллерист-красноармеец Григорий Пилипчук, радист-краснозармеец Яша Ускорцев. О том, как они дрались с прорвавшимися на высотку танками и пехотой врага, как они удерживали этот кусочек советской земли, ставшей для них дороже всего на свете, лаконичным и красноречивым языком говорят последние аршиневские радиограммы:

«Три двадцать танк подбит, двигаться не может, принимаем меры к восстановлению. Ведем огонь по наступающим танкам и пехоте».

«Четыре ноль пять окружены пятнадцатью танками. Пять из них подбили. Отстреливаемся, трое ранены, борьбу продолжаем».

«Четыре сорок пять. Все кончено. Бились до последнего патрона. Огонь по нашему танку, кругом враги. Прощайте, товарищи, верим в то, что светлый день победы недалек».

Жизнью своей, кровью своей остановили танкисты бронированного зверя, но не дрогнули, не отошли назад. Стойкость и упорство их не только преградили путь врагу, но и нанесли ему тяжелый урон. Драться по-аршиневски стало теперь правилом у танкистов.

Крыжановский и его славные экипажи выиграли ночной бой, разгромив 679-й пехотный полк 377-й немецкой пехотной дивизии, преградив путь крупным танковым силам врага. Взошедшее солнце осветило груды раздавленных пушек и минометов, обгоревшие немецкие танки и развороченные блиндажи. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров осталось на поле боя.

Н. ИЛЬИНСКИЙ.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

АГИТАТОРЫ В ДЕРЕВНЕ

Обстоятельства сложились так, что Андрей Яковлевич Кузьмин — агитатор, посланный городом на уборку урожая, оказался на своей родине, в Мокшанском районе. Каждая деревня в здешней местности знакома и близка Кузьмину.

От железнодорожной станции до села он прошел пешком с такой легкостью и радостью, как будто возвращение на родину делало человека бодрей и моложе.

Мы встретились с Кузьминым на десятый день его пребывания в колхозе «Красная звезда» в поле на исходе жаркого летнего дня. Человек из города косил густую и высокую рожь. Шел он по стерне ровной, упругой походкой, коса в его руке, отбитая им же, работала безотказно, и вязальщицы Бурыкина и Опоркина еле успевали за косцом собирать колосья в снопы.

— Лет двенадцать, почитай, не брал косы,—заметил косарь.—Да, видно, память на крестьянскую работу в руках еще сохранилась: от колхозных косарей не отстаю...

Человек из города, посланный сюда партией на уборку урожая, живет одной жизнью с колхозниками. Он встает с рассветом, ложится поздно вечером, подчиняется всем правилам внутреннего распорядка, выполняет наряд бригадира, словом, находится на положении обычного члена артели. В колхозе бывали и бывают люди из районного центра, городские товарищи, но Кузьмина отличает от уполномоченных эта органическая связь с артелью, непосредственное участие в ее трудовом процессе.

Но это только одна сторона его деятельности в деревне. Другой стороной, более важной и ответственной, чем физический труд на уборке, является его работа в качестве агитатора, политического вожака. Он ведет в «Красной звезде» массовую работу с людьми. Работа эта интересная по содержанию, разнообразная по форме, плодотворная по результатам. Она не регламентирована, у Кузьмина нет календарного тематического плана, да и можно ли уложить в рамки плана то, что делает агитатор, повседневно сталкиваясь с людьми, живя с ними и активно откликаясь на каждое событие в местной жизни,—будь то письмо красноармейке из Действующей армии или перевыполнение нормы косарихой, или неполадки в колхозном детском саду...

То, что считалось здесь массовой работой раньше и кое-кому из сельских работников даже казалось достижением, не удовлетворило Кузьмина. Уже в первый день своего пребывания в колхозе он увидел, что даже такой важнейший документ, как постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 году», стало предметом весьма поверхностной «проработки». Многие положения этого документа колхозникам по сути известны не были. Из-за плохой организации труда, хозяйственной нераспорядительности, неумения правильно учесть и расставить работников дела в первые дни на уборке в «Красной звезде» шли плохо.

Кузьмин не администрирует. В том, что люди на уборке работают лучше, чем работали на севе, оказалась живая работа большевика-агитатора. Проводя с колхозниками и колхозницами беседы по текущему моменту, читая им военные сводки, выпуская «Боевые листки», агитатор умеет взять человека за душу, зажечь в нем энтузиазм, повести за собой на трудовой подвиг во имя победы над врагом, во имя родины. Агитатор умеет увязывать частное с общим, малое с большим. У человека такое слово, что звучит оно для слушателей весомо и авторитетно. Если он при всем народе похвалит женщину за хорошую работу, так у той от похвалы щеки зардеются, хоть обратится к другой с укором, та от стыда готова провалиться сквозь землю. И когда мы были в поле, мы видели косарих и вязальщиц, соревнующихся между собой, комбайн, шедший по золотому массиву пшеницы, первую горку зерна нового урожая.

Агитатор Кузьмин, ставший политическим руководителем колхоза на уборке урожая, сумел сплотить людей, организовать соревнование, добиться положительных результатов. Дела «Красной звезды» сейчас пошли в гору, колхоз начал крепнуть. В значительной мере обязан он этим человеку из города, принесшему сюда рабочую закалку, целеустремленность и волю большевика.

Андрей Кузьмин — один из семидесяти товарищей, прибывших в колхозы Мокшанского района из города Пензы на уборку. Это разный народ по своему общественному опыту, профессии и кругозору. Не все агитаторы, подобно Кузьмину, сразу же нашли свое место в деревне, заняли авангардную роль.

Некоторые агитаторы боятся более активно воздействовать на обстановку в деревне, боятся менять то или другое положение. В колхозе имени Андреева уборка озимых началась 28 июля. Площадь озимых — 310 гектаров. За 10 дней были скошены озимые на площади в 63 гектара. Два комбайна еще не начинали работать. Косцы и косарихи работают не на полную мощность. Мешает отдаленность полей. Можно было бы организовать ночлег в поле.

— Это здесь не принято,— говорит Малышкина, пензенская учительница, работающая в «Заре» агитатором.

У Андрея Кузьмина важным и ценным является его активное отношение к обстановке, его вмешательство во все детали и мелочи деревенской жизни. Именно этими качествами и должен отличаться большевик, посланный партией на важнейший из фронтов — фронт уборки.

И. АФАНАСЬЕВ.

Мокшан, Пензенской области.

За первенство в соревновании

Родниковский меланжевый комбинат «Большевик» в июле завоевал одно из первых мест во Всесоюзном соревновании текстильщиков. Прядильщики дали сверх плана 50 тонн пряжи, ткачи — 225 тысяч метров ткани и отделочное производство — свыше 1 миллиона метров добротной ткани.

Производственный под'ем создавался не самотеком, он организовывался и возрастал изо дня в день. Авангардную роль в этом сыграла парторганизация комбината.

Одним из главных рычагов, который привела в действие парторганизация, было широкое развертывание политико-массовой работы. Политическая агитация стала более конкретной и действенной.

Рассказав слушателям об ожесточенных боях, которые ведут наши войска на Юге, мастер ткацкой фабрики, агитатор Решев поставил перед рабочими и помощниками мастеров вопрос: как же мы здесь, на производстве, помогаем нашим *красным воинам оказывать сопротивление* врагу?

— Да ведь как будто неплохо работаем, — сказал один из присутствующих.

— Правильно, — подтвердил Решев,— как будто неплохо работаем. За 25 дней июля наш цех дал сверх плана 90 тысяч метров ткани. Но все ли среди нас достаточно хорошо трудятся? Нет. Комплект помощника мастера Рыбина не выполняет плана. Заправщица основ Каменцева часто уходит с рабочего места, небрежно заправляет основы, и из-за этого снижается выработка ткачей.

Тут же Решев рассказал о добросовестной работе заправщицы основ Лукояновой, которая дорожит каждой минутой и старается все силы отдать производству, и о лучшем помощнике мастера Шмонине, у которого комплект выполнил производственное задание на 119 процентов. Все это сделало беседу оживленной и деловитой. Люди обменивались мнениями горячо и взволнованно.

Во время бесед агитаторов рабочие и инженерно-технические работники высказывают ценные рационализаторские предложения, подсказывают пути устранения тех или иных недостатков. В отделочной фабрике браковщица-агитатор Семыкина проводила беседу с рабочими о положении на фронтах. Завязался разговор о работе, о соревновании. Выяснилось, что браковщицы могли бы работать более производительно, если бы нары, на которые складывается товар, были размещены в цехе по-иному. На вид пустяковая вещь, но имеет значение. В тот же день нары были расставлены так, как удобно для работы.

Агитатору Шустровой во время беседы рабочие заявили, что красильные ванны замусорены и от этого снижаются качество продукции и выработка.

— Если мы только поговорим об этом, товарищи, и ничего не сделаем,—заявила Шустрова, — то все останется попрежнему. Давайте-ка после работы посмотрим, что делается в ваннах...

Остались после работы и навели в ваннах надлежащий порядок.

Большое внимание уделяется наглядной агитации. Витрины с показателями соревнования, лозунги мобилизуют людей на подлинно фронтовую работу. В одном из лозунгов говорилось: «Товарищи рабочие, служащие и инженерно-технические работники ткацкой фабрики! Вчера мы дали сверх плана 26 тысяч метров ткани, сегодня нужно дать не менее 35 тысяч метров».

В агитационной работе учтено еще одно обстоятельство. На любом предприятии есть часть рабочих, которые не охватываются массово-политической работой. Мы поставили перед собой задачу—провести индивидуальные беседы с теми рабочими, которые не бывают на собраниях и групповых беседах. Такие беседы дают весьма положительные результаты. Можно привести много примеров, когда после проведения беседы рабочие и работницы работали значительно лучше, начинали подтягиваться до уровня передовиков.

В ходе социалистического соревнования заметно оживилась работа партгрупп, возросла их роль на производстве. Руководители партгрупп и партбюро стали непосредственными организаторами успешной работы на своих производственных участках.

Особое внимание парторганизация уделяет укреплению трудовой дисциплины, борьбе за четкое выполнение распоряжений и приказов администрации. Малейшее нарушение трудовой дисциплины, как правило, становится поводом для обсуждения на партгруппе или в парткоме.

Закрепить достигнутые успехи, добиться еще более значительных результатов в соревновании и во всей нашей работе — вот боевая задача, за осуществление которой борется весь коллектив комбината «Большевик».

Б. ГЛИНСКИЙ.

Секретарь парткома Родниковского комбината «Большевик».

Пленум Прокопьевского горкома ВКП(б) о добыче угля

ПРОКОПЬЕВСК, 13 августа. (Корр. «Правды»). Пленум Прокопьевского горкома партии обсудил вопрос о подготовительных работах на шахтах треста «Сталинуголь» и «Прокопьевскуголь». Осуществление подготовительных работ имеет решающее значение в деле дальнейшего увеличения добычи угля. Пленум отметил, что проходки квершлагов и основных штреков по шахтам обоих трестов проходят неудовлетворительно. Особенно плохо ведутся подготовительные выработки на шахтах имени Молотова, Калинина, «Маганак», «Красный углекоп». Проходческие механизмы используются неполностью. По тресту «Сталинуголь» из 90 врубовых механизмов в работе находится 63, по тресту «Прокопьевскуголь» из 16 врубовок работают 7.

Пленум обязал все партийные и хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации подчинить всю свою работу борьбе за непрерывный рост добычи угля и удвоение ее к концу года.